

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР



Александр Тамоников

---

И В А Н  
ГРОЗНЫЙ

Сожженная Москва



Москва

2020

УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Т17

**Тамоников, Александр Александрович.**  
Т17 Иван Грозный. Сожженная Москва / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Русский исторический бестселлер).

ISBN 978-5-04-158695-9

1571 год. Иван Грозный обеспокоен частыми вылазками крымских татар. Кочевники тайно проникают через русские кордоны и пытаются разведать расположение укреплений и удобные переправы через реки. Царь поручает своему приближенному Махайле Бордаку выяснить истинные намерения противника. На Изюмском шляхе отряд Бордака настигает лазутчиков и берет в плен «языка». Тот сообщает о предстоящем нашествии ордынцев. Нужно срочно предупредить государя. Но посланные с тревожной вестью гонцы попадают в засаду и погибают. Тучи над русским порубежьем стущиваются...

УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158695-9

© Тамоников А., 2020  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2020

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как только солнце поднялось над горным хребтом, мужчина средних лет в костюме, выдававшем в нем литвина, вышел из калитки сплошной линии уличной ограды. Остановился, погладил непривычно гладкий подбородок — бороду до появления в Крыму пришлось сбрить, что тоже указывало на его принадлежность к подданству Речи Посполитой, — и вздохнул. Со двора появился невзрачного вида местный житель.

— Что встал, Михайло? — спросил он мужчину на довольно чистом русском языке.

— Кафа, — коротко ответил тот.

— Что, Кафа? — не понял татарин.

— Ничего, Ризван. Ненавижу этот город!

— Не нравится? Но почему? — удивился хозяин подворья. — Красивый город, посмотри, широкие улицы, голубая бухта, все в зелени, в садах, дорогие дома, крепость. А мечети и православные храмы? Фонтаны?

Улица, где стояло подворье, находилась на возвышенности, откуда хорошо просматривалась вся Кафа.

— Да, — проговорил мужчина, — дома, улицы, храмы, мечети, фонтаны, караван-сараи, кофейни, чайханы, лавки, базары и бухта, полная судов. Ты только не вспомнил еще об одной достопримечательности своего славного города — «площади слез». Кстати, там тоже красиво, когда нет торгашей и невольников.

— Вот ты о чем? — сдвинул тюбетейку на затылок татарин. — Но кто же виноват, что здесь издавна устроен невольничий рынок? И замечу, он в Крыму не один.

— Ладно, — кивнул мужчина и, расстегнув ворот рубахи, добавил: — День сегодня обещает быть жарким, но нравится не нравится, а треба сполнять повеление. Ты уверен, что человек мурзы Азата будет сегодня на рынке?

— Курбан, что должен встретить тебя на площади, заверял, что будет, а там — как Всевышнему угодно.

— Пошел я, Ризван. Похож на литвина?

— Я долгую жизнь прожил здесь, в городе, где все перемешано, и восток, и запад, и юг, и север, и можешь поверить — похож. Правда, мне непривычно видеть тебя без бороды.

— Не береди душу, самому противно, — прервал мужчина татарина.

— Ты меньше гладь щетину и вполне сойдешь за литвина.

— Добре, басурман, благодарю за приют, хлеб-соль, кров.

— Нынче не вернешься?

— Не ведаю. Не должен, но как разговор с мурзой сложится...

— Хранит тебя твой бог!

— У нас один бог.

— Не будем спорить, расставаясь, кто знает, когда еще увидимся.

— Бывай! — Мужчина поправил головной убор и пошел вниз по улице.

Татарин проводил его взглядом, осмотрел улицу, никто не видел, что чужак вышел из его двора, и то хорошо. Затем вернулся во двор и позвал жену:

— Ирада!

— Да, Ризван? — отозвался молодой голос.

— Иди сюда, бездельница!

Тем временем тайный посланник Москвы в Крымском ханстве Михайло Бордак прошел из одной части города в другую и вышел на широкую улицу. Здесь, в отличие от окраин, жизнь уже вовсю кипела. Тут всяких полно, и татары, и турки, и генуэзцы, и греки, даже эфиопы в национальных нарядах, невообразимо красочных и в то же время безвкусных, богатые и нищие в лохмотьях. И речь всякая, громкая, крикливая. Складывалось ощущение, что люди вышли на улицу, чтобы покричать друг на друга. Орали ослы, скрипели арбы, со всех сторон лилась му-

зыка уличных музыкантов, торгаши зазывали в лавки, расхваливая товар. После Москвы и городов русских тут можно было одуреть. Шум и гам выматывали душу. Но таков этот приморский город — с роскошью дворцов и храмов, статуй, фонтанов и нищетой чрезмерно мелких улочек и проулков, где вплотную теснились крохотные дома и где легко можно было угодить под смердящую жижу и мусор, выбрасываемый через забор владельцами этих лачуг.

Кафа знала разные времена. И подъемы, и упадки, то в ней хозяйничали генуэзцы, то османы. Последние через крымского хана Девлет-Гирея пришли и сейчас. Они отняли Кафу у генуэзцев и привнесли свою восточную культуру вперемежку с бескультурьем. Рядом с роскошными дворцами поднялись богатые мечети с высокими минаретами, здания башни, кофейнь. Была Кафа, стала Кучук-Стамбул или Крым-Стамбул, малым Константинополем. Но название не прижилось, и Кафа осталась Кафой. Уже другой, но Кафой. Своеобразие города восхищало и угнетало, даже пугало тех, кто приезжал сюда впервые.

Михайло Бордак был здесь не первый раз, ныне под видом купца из Литвы. Но и он ощущал себя в Кафе подавленно, раздраженно. А может, это оттого, что приходилось менять свой облик? Брить бороду, отращивать волосы, подстригать усы, что на Руси являлось неприличным, чуждым.

Он шел в задумчивости, прося Господа о том, чтобы встреча с одним из влиятельных крымских вельмож состоялась в назначенное время и не пришлось бы ждать, приходя ежедневно в проклятое место, а, отчитавшись, уехать в родную Москву. Оттого и не заметил татарчонка, державшего на плечах внушительных размеров тюк. Этот тюк и ударил в голову Михайло. Но он, крепкий телом, устоял, а вот щуплый, но жилистый татарчонок, по сути, отрок еще, споткнулся, свалился на мостовую и тут же закричал по-татарски:

— Ослеп, литвин?! Не видишь, что кругом люди?!

Бордак хотел помочь ему подняться, но татарчонок, шипя змеей, встал сам и позвал ближних людей, таких же, как он, чтобы помогли поднять тюк. Злобно ругаясь на неповоротливого литвина, он скрылся в проулке.

Теперь Михайло шел по улице, уже осматриваясь. Совсем рядом, едва не зацепив его, прогромыхала арба, что тащил ишак. Бордак удивлялся этому животному. Ростом невелик, а бывает, нагрузят на него целый воз всякой всячины, да еще погонщик сверху взгромоздится, и стоит ишак, опустив голову, пока погонщик не ударит его длинной палкой по растопыренным большим ушам с командой, напоминающей шипение змеи — что-то вроде иши или ищь, — и волочит животное воз с возницей. Мимо пробежали водоносы, тащившие объемные бурдюки с чистой родниковой водой к подворьям, за заборами которых виднелись дома в несколько этажей.

— Дай деньги, дай деньги, иноземец, — схватила Михайло за рукав какая-то нищенка.

Еле отбился от нее, бросив на мостовую мелочь, и ускорил шаг, видя, что солнце поднимается все выше и выше.

Встреча с местным вельможей должна состояться до полуденного намаза, след поторопиться. Главное, чтобы Курбан пришел.

Торговец лепешками чуть ли не под нос сунул горячий товар:  
— Возьми, литвин, вкусно!

Пришлось купить. Но о том Михайло не пожалел, лепешка действительно была вкусной.

Наконец он прошел эту торговую улицу. Теперь следовало свернуть на улицу малую. И вот тут сердце московского посланника словно железным обручем сжало. Рука невольно потянулась к поясу, под которым закреплена сабля в ножнах.

Удержался, но как хотелось...

Он вышел на улицу, ведущую вниз прямиком к так называемой «площади слез» — невольничьему рынку Кафы, печально известному далеко за пределами Крыма.

Невольников гнали сотнями. Мужчины и женщины, связанные между собой десятками, большинство в кандалах, от которых кровоточили босые ноги, окровавленные лохмотья, работоголовцы не скучились на удары плетьями невольников, рядом в арбах корзины, в них... дети. Мальчики и девочки. Это очень ходовой и ценный товар, не уступавший молодым красивым девушкам, которых теперь ждала судьба наложниц в гаремах знати разных

стран. Последние — в праздничной одежде, брови подведены, румяна наложены, густые волосы уложены. Красавицы, да вот только в глазах печаль смертная.

Как уж удалось одной из женщин избавиться от пут, но удалось, и она, вырвавшись из строя, рванулась к ближней арбе, крича:

— Петруша, сыночек!

В ответ — детский плач. И женщина в плач.

Погонщики дело свое знали. Не добежала женщина до арбы. На ее тело обрушилась плеть, которая сбила с ног. Смуглый худощавый татарин с почерневшими зубами оскалился, как шакал, почувствовавший легкую добычу, вновь занес плеть над женщиной, чья спина алела рубцом первого удара, но тут раздался окрик старшего:

— Таиф! Стоять! — и чернозубый застыл на месте. — Ты что, поганец, хочешь, чтобы мурза спросил с нас за испорченный товар? Убери плеть, бабу в строй. И как она могла отвязаться?

— Веревки перегрызла, — фыркнул татарин, засовывая плеть в сапог с заостренным и изогнутым вверх носком. — Но Хамид-ага, если не наказывать строптивых, другие взбунтуются. Это же москали, они и в полону не послушны. Им только дай случай, с голыми руками на охрану бросятся.

— Бабу на место, и крепче привяжи ее к шесту, на ноги колодки.

— Так нету у нас боле колодок.

— У нас нету, у других попроси. И давай заканчивай этот беспорядок, сзади народ подпирает.

Один погонщик ничего с женщиной сделать не смог, она вскочила и вновь рванулась к арбе. Ее сбили с ног ударом кулака подоспевшие татары. Несчастную затащили в строй, привязали к шесту, шест — к другой женщине. Подошел молодой погонщик с колодками. Несколько ударов, и женщина уже еле передвигала ноги, оглядываясь на арбу, где все дети уже плакали. Плач в арбе, плач в толпе, повсюду плач, плач, рвущий душу. Так могли плакать только те, кто знал, что будет с ними дальше. Взрослых успокоили, но дети продолжали плакать. Плач пошел по другим арбам.

Михайло сжал кулаки. Эх, была бы его воля, вытащил бы саблю да порубал на куски эту басурманскую нечисть! Может, и сам бы лег здесь, изрубленный, но и погонщиков людей положил бы немало.

Он перевел взгляд на арбу, к которой так стремилась женщина.

В передней повозке два мальчика, годков по пять. Один похож на женщину, видать, и есть Петруша. Этим детишкам еще повезло, они живыми добрались до Крыма, а скольких убили по дороге и выбросили в канавы? Слабые и болезные татарам не нужны, кто будет платить за порченый товар? Посему и рубили головы всем, кто проявлял слабость. И это на виду у остальных. Рубили детей на глазах у родителей, рубили родителей на глазах у детей, зачастую, не сходя с тракта, прямо у дороги насиливали женщин, чьих-то дочерей, матерей, жен. Потому как для работников это были не люди, это был товар. Хотя как знать, кому повезло больше. Тому, кто сейчас сидит в повозке, идет в толпе, или тем, кто остался растерзанным у дороги. Те по крайней мере отмучились, этих же адские, страшные муки ждали впереди. Всех. И Петрушу, которого наверняка купит какой-нибудь извращенец для утех своих безобразных, а мальчишка просто не выдержит и помрет в мучениях. И мать его, которая будет некоторое время развлекать нового хозяина, а потом, быстро состарившись, отдаст Богу душу от трудов тяжких, невыносимых. В полону долго не живут. Мужики выглядели хмурыми, бледными. Редко у кого не стояла метка татарской плети. Но их сковывали особо крепко, дабы не сбежали. Знали басурмане, что русский народ отчаянный, свободолюбивый. Оттого на рынке русских выставляли как невольников из земель польско-литовских. За русского платили меньше.

Прошла сотня рабов, за ней потянулась другая. И все то же самое, ослы тащат арбы с повозками, в которых дети, красивые молодые девушки, колонны невольников мужчин и женщин разных возрастов. Старых, пожилых нет, их просто забивали.

Бордак знал, как проходит торг. Сначала купцы разберут девушек, мальчиков, девочек, затем крепких мужчин и женщин, которых можно отправить на тяжелые работы, турки будут брать